

Ор84
Ч-63

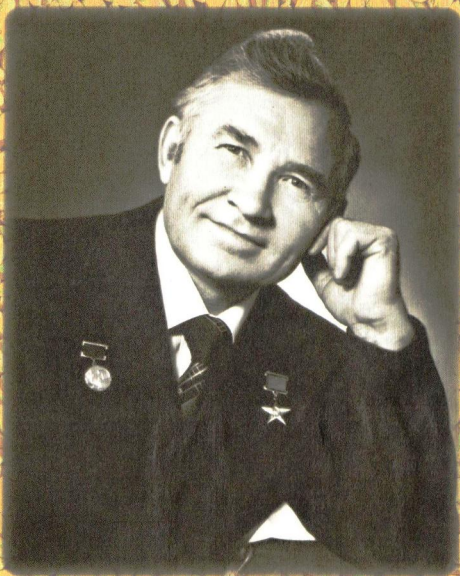
Александр Чиненков

Звездный путь

Василия Чердинцева

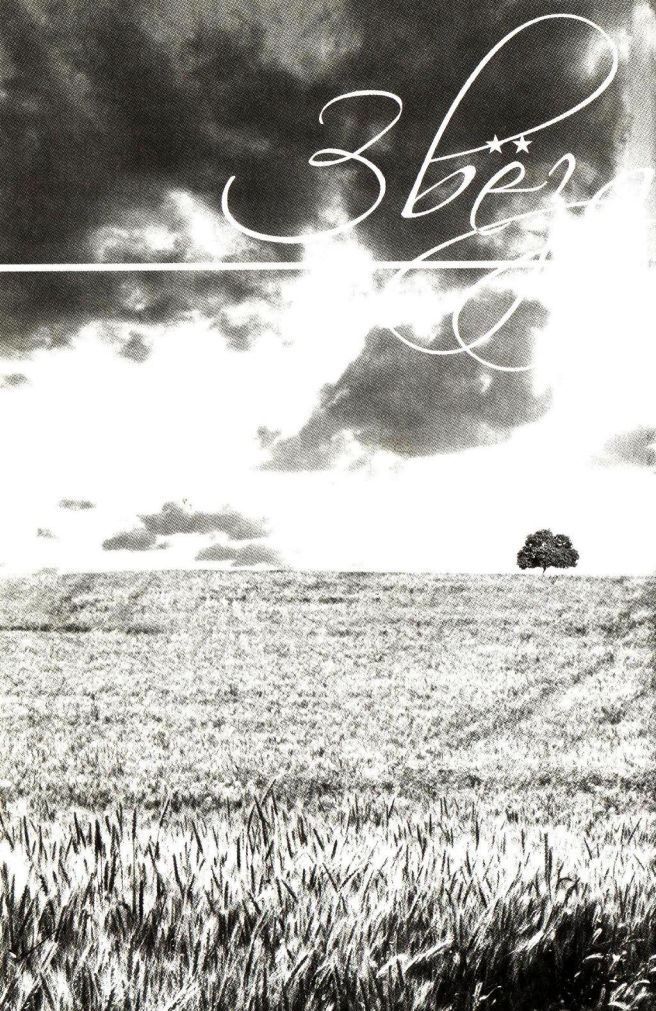

Зрелые годы
героя

Iberia

Александр Чиненков

а-328803

Путь Василия Чердинцева

Роман

**Зрелые годы
героя**

Оренбург
Орлит-А
2011

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. К. КРАУЦОНА"

ДО ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ...

1.

Время шло. Всё, казалось бы, было так же, как и всегда, только вот внутри изб, отгороженных плетнями и заборами, жизнь кружилась совсем по-иному. В каждой избе — по-своему.

Василий Чердинцев всё так же работал в МТС и слыл мастером на все руки. В страду — на тракторе и на комбайне. Зимой, когда машины ставились на машдвор на стоянку, он сразу же становился универсальным работником, соединившим в себе несколько специальностей. Ремонтировал и комбайны, но уже тогда, когда сев оставался позади и все силы колхозников сосредотачивались на подготовке к уборочной. Одним словом, научился Василий в МТС всевозможным ремёслам — и слесарному, и токарному, и сварочному, и кузнечному. А ещё... а ещё укреплялось в его душе ощущение необыкновенного счастья, простора, воли и жажды жизни. Она стремительно увлекала его вперёд, и уже нельзя было остановиться. С каждым днём Василий убеждался в том, что дорога им выбрана правильная и что нужно шагать по ней смело и прямо, откинув сожаления и сомнения. Вот только работе он посвящал очень много времени, а семье — всё, что оставалось, — к сожалению, совсем немного. На работу уходил очень рано, а возвра-

щался слишком поздно, особенно во время посевной или уборочной страды.

Василий с Грушей жили в Сумкиной мельнице (переименованной в колхоз им. Жданова), в доме тестя. В 1946 году у них родилась дочка Леночка. Всё бы ничего, но тестю очень хотелось внука. Через полтора года, как по заказу, у Василия и Аграфены родился мальчик, которого называли Гришей. Вот так и жили не тужили молодые Чердинцевы, довольствуясь тем, что есть, и не строя больших планов на будущее.

Всю осень 1949 года и зиму 1950 года Василий обучался в школе механизаторских кадров в селе Покровка Новосергиевского района. Именно там он увидел первого в своей жизни человека с золотой звездой Героя Социалистического Труда. Это был Анкеш Кальмухамедов — бригадир механизаторов из Домбаровского района. Эта встреча, может быть, уже тогда значительно повлияла на судьбу Василия. Ещё бы, сын нищего пастуха и вдруг... Один из первых Героев Социалистического Труда Оренбуржья!

В то время Василий Чердинцев и не мечтал о такой награде. Он был рад и бронзовой медали Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, которую считал высшей для себя наградой.

О том, что его представили к медали, Василий узнал незадолго до того, как ехать на учёбу в Покровку. В 1948 году на комбайне СЗК он убрал зерновые с площади 700 гектаров. Показатель, конечно, был высоким, но не таким уж и значительным. Много механизаторов в тот год сработало значительно лучше, с более высокими результатами, а медаль почему-то дали ему... Может быть, авансом? Всего-то двадцать один год от роду, а уже...

Первая награда за свой труд казалась Василию не менее значительной, чем звезда Героя для Анкеша Кальмухамедова. Важным было то, что Родина заметила его труд, оценила, а это значительная ступень для его дальнейшей «карьеры».

Но больше всего стремление сына к трудовым подвигам «подогревал» отец. До всего был горазд Макар Стахеевич и никогда не сидел без дела. Он и детям чуть ли не с рождения

прививал любовь к труду. Ревниво следили Макар и Клавдия, чтобы «чада ихние» росли не лодырями, а были ко всему приученные и дело своё делали на совесть.

— Молодец, сынок! — сказал отец, когда смущённый Василий дал ему для осмотра свою медаль. — Эдак и держать! — и тут же принялся приводить в пример других механизаторов.

Макар Стахеевич наперечёт знал всех знаменитых комбайнёров как в области, так и в стране. Чаще всех отец нахваливал Фёдора Колесова из Погроминской МТС Тоцкого района.

— Во человечие! — говорил Макар восторженно. — Энто надо же: за сезон убрал 752 гектара! Видано ли эдакое?! Не зря его орденом Ленина наградили! Хосподь зрит — есть за что!

Годом позже отец с ещё большим рвением нахваливал Прокофия Нектова, героя из Казанки Шарлыкского района. Сведения о нём Макар почерпнул в одной из областных газет.

— Очам своим не верю! — говорил Макар, восхищённо глядя на домочадцев и тыча пальцем в газетный текст. — Энто надо же! С фронта инвалидом без обеих ног возвернулся! А ведь не запил с горя, как многие делали. Старый комбайн — развалюху СЗК самолично отремонтировал и в поле на нём выехал! Без обеих ног комбайном управлять, да ещё перевыполнять на уборке нормы?! Да будь моя воля, я бы его геройскими звёздами от шеи до пят увешал! Убрал ведь зерновые с площади аж 1640 гектаров! Вот на кого равняться надо, сынки! Энто не человек, а сам Никола Чудотворец!

И всё же жить и работать было сложно. Восемь лет Василий ходил пешком на работу из Сумкиной мельницы в село Сакмара. Может быть, так продолжалось бы и дальше, но... «Наверху» было принято решение объединить Сакмарскую МТС с Надсменовской, располагавшейся в селе Татарская Каргала. И тогда возникли такие обстоятельства, что надо было переезжать в село Сакмара, чтобы жить ближе к работе...

Вернувшись из Сакмары, Василий, даже не заглянув к родителям, пошёл в дом тестя, в котором проживал уже не один год вместе с женой и детьми. Ему не терпелось рассказать им, с кем и о чём ему пришлось разговаривать на призывной комиссии. А рассказать было что.

Войдя в избу, Василий разом позабыл всё, о чём собирался поведать домочадцам. Тесть лежал на кровати с откинутой на подушку головой, остекленевшие глаза смотрели в потолок. Василий судорожно проглотил подкативший к горлу ком. Ему показалось, что тесть умирает.

— Иван Прокофьевич, — испуганно воскликнул он. — С тобой всё в порядке?

— Это ты, зятёк? — тихо и слабо отозвался тот, с трудом переворачиваясь со спины на бок.

— Я, кто же ещё...

— Ты присядь поближе, — медленно проговорил Иван Прокофьевич. — А то видать тебя плохо.

Василий присел у изголовья кровати.

— А Груша где с матушкой? — спросил он, озабоченно разглядывая тестя.

— Коров встречать пошли, а меня вот прищучило. Детишек взяли и к стаду. А у меня вдруг раны ожили...

— Нет, не пойдёт больше так дело, — покачал укоризненно головой Василий. — Чуть что, и ты с ног валишься. К врачам в больницу тебе надо на обследование и лечение!

— Нажрался я ихних пилюль ещё в госпитале, — ухмыльнулся через силу тесть. — А уколами всю задницу, будто из пулемёта, изрешетили. Щас вот баньку затопим, пропарим мослы, и сызнова как новенький буду!

С помощью Василия он приподнялся на кровати и присел, свесив ноги.

— Банный дух и веничек берёзовый всю хворь подлючью из мощей моих разом выветрят. Всё как рукой снимет. Вот на фронте бывало...

Василий слушал тестя с видом мученика, понуро опутив

голову. Он уже в сотый раз был вынужден выслушивать о тяготах окопной жизни, но иначе поступить не мог, чтобы не обидеть страдающего от боли отца своей любимой жёнушки.

— Эх, дожить бы до того дня, кады вы с Грунькой в отдельной избе жить будете, — неожиданно сменил тему Иван Прокофьевич. — Не здеся вам жизнь свою обустраивать надо б. Не век же в Сакмару мотаться будешь, зятёк...

— А что делать, — развёл руками Василий. — Здесь хоть под крышей, хоть и бок о бок с вами проживаем, а там... В Сакмаре ведь у нас ни кола, ни двора.

— Обмозговать надо б, как вам подсобить, чтоб угол свой тама заиметь, — заключил тесть убеждённо и, с минуту помолчав, пожал плечами: — Было бы жаланье, зятёк, было бы жаланье...

Василий вспомнил недавний разговор с родителями и задумался. Они тоже предлагали ему переехать в Сакмару, но как-то ненастойчиво и неубедительно. Отец тогда сказал:

— И чего ты сиднем сидишь с семьёю у тестя с тещей на шее? А на работу ходить? МТС поди не на краю нашей деревни!

— Ничего, я привык уже, — возражал не слишком-то уверенно Василий. — Братья вон в Надсменовскую МТС аж в Каргалу Татарскую ходят. В два раза почитай дальше, чем в Сакмару.

— Нашёл с кого пример брать, — усмехнулся отец. — Братья твои молодые да нежанатые покудова. А у тебя вон семья. Жана и детишек двое!

Василий лишь вздыхал — ему нечего было сказать отцу.

— Урожай нынче хороший намечается, — сказал тесть, и он сразу же очнулся от воспоминаний, услышав его голос. — Хлеба будто на дрожжах растут!

— Пусть растут, — улыбнулся с облегчением Василий. — Больше хлеба — богаче страна.

— А ты что такой невесёлый? — вдруг обратил на него более пристальное внимание Иван Прокофьевич. — Может, в армию тебя призывают, зятёк?

— Нет, опять «на племя» оставили, — отшутился Василий. — Непригодным признали. Видать, и без меня есть кому защиту Родины доверить, раз призывать не хотят...

Когда Василий достиг призывного возраста, его не раз пытались призвать в армию. Он даже однажды ездил на сборы, но... Как только дело касалось медицинской комиссии, его почему-то упорно «браковали», признавая непригодным к воинской службе.

Сначала Василий думал, что всему виной малярия, которую он перенёс в детстве. Болезнь нет-нет да и давала о себе знать внезапными приступами. Бывало, в жару он сильно мёрз, после чего повышалась температура и раскалывалась голова. Но, как оказалось, причин для отсрочек и, кроме болезни, было навалом.

Пока его «осыпали» отсрочками, у них с Грушей родилось двое детей, да и руководство МТС не очень-то хотело расставаться на целых три года со своим передовиком. В конечном итоге всё свелось к тому, что...

— Сегодня меня доктор Юдин вызывал, — сказал Василий, глядя на тестя. — И он мне сказал: «Чердинцев, вот ты у нас один остался, кто не служил из твоих сверстников. Ты хоть права-то имеешь?»

— А ты что ответил? — спросил Иван Прокофьевич заинтересованно.

— Я ответил, что имею, — хмыкнул Василий.

— И?

— Доктор сказал медсестре: «Запиши его мотоциклистом и пусть домой идёт».

— Новая отсрочка? — предположил тесть.

— На сей раз всё, — вздохнул Василий. — Теперь местом моей «службы» будет МТС, комбайны и трактора вместо танков, а поле битвы... Только за хороший урожай биться буду, вот так получается.

Иван Прокофьевич некоторое время сидел на кровати, согнувшись, глядя в пол и упираясь в край кровати руками. Он словно дожидался, что ещё скажет зять. Но, так и не до-

ждавшись, тесть посидел ещё некоторое время, будто о чём-то раздумывая, и сказал:

— Видать, эдак Богу угодно, Василий. Но ты не бери в башку сеё. Бабы придут, совет держать будем, а покудова родителей навести. Они поди истенькались все и места себе не находят, тебя в гости ожидаючи.

Выслушав сына, Макар задумался. Ему вдруг стало ясно, что ещё один птенец улетает из родного гнезда в самостоятельную жизнь. Двое старших сыновей давно отделились, да и у дочери была своя семья, а вот Василий... Хоть и проживал он с женой и внуками в доме тестя, но ведь рядом, в одном селе, а теперь...

«Ничего, пущай в люди выбивается, — внушал себе Макар. — Не век же возле родителей опиваться. В Сакмаре ему легче будет да и хозяином себя настоящим почувствует...»

Однако душа болела и ныла. Самостоятельность-то самостоятельностью, а вот видеться часто не придётся. Мысли смешались в кучу, суетились в голове, как бешеные, а толку...

— Ты вот что, сынок, обскажи-ка мне, положи руку на сердце, — сказал Макар после длительного раздумья и отведя в сторону полный душевной муки взгляд, — сам съезжать в Сакмару надумал али тесть натолкнул на мысль эдакую?

Но Василий ответил вовсе не то, что ожидал услышать от него отец. Он смутился и покраснел:

— Я же к работе поближе, папа. Да ведь и уезжаю недалеко. Вон Василий-старший и Мин...

— Они уже давно взрослые и ломти отрезанные, — перебил сына Макар, подняв на него озабоченный взгляд. — Я вот мыслил, что в колхоз из МТСа перейдёшь, а мы тебе со сватьями избу отстроим.

— Не уйду я из МТСа, — отрезал Василий.

— Почто так? — с неудовольствием молвил Макар. — Что в МТСе, что в колхозе всё при земле работать будешь. Поку-

дова ты на работе и супружнице твоей подсобить будет кому. За детишками приглядеть, за хозяйством... А вот в Сакмаре...

— Вы же с дядьками и без родителей справлялись, — упрямо стоял на своём Василий. — И с детьми, и с работой, и с хозяйством поспевали...

Макар привык полагаться на нерушимые казачьи устои, когда слово отца — закон! А сейчас, прямо на глазах, эти устои рушились. Теперь, видимо, настают такие времена, когда и к мнению детей приходится прислушиваться.

— Выходит, я зазря тут с тобой рассусоливаю, — вздохнул он, борясь с рвущимся наружу негодованием. — Ты на своём стоять собираешься?

— Не серчай, папа. Я как лучше хочу.

Макар горестно опустил голову.

— Стало быть, — пробубнил он устало, — стало быть, и мнение наше с матушкой тебе нипочём? А всё потому, что веру в Бога нынче дети порастеряли. А ведь раньше... — он не договорил и махнул рукой.

Немного помолчав, отец вдруг заговорил сбивчиво и горячо:

— Я вот тебя сердцем зараз понимаю, Василёк. Понимаю, что нужно тебе отделяться и своею семьёю жить. А вот душой... Душа вот противится и болит. А может, плотницкому ремеслу тебя обучить? Ты ведь хотел этого? А может...

Отец осёкся и побледнел. Видимо, внутри у него взбунтовался горделивый характер. Он помолчал, а затем заговорил уже более жёстко и с нажимом:

— Будь по-твоему, я даю тебе своё согласие! Видать, и впрямь твоя правда щас крепче моей будет. Ступай по своему пути, каковой сам определил. Добрый путь тебе, Василёк!

Василий слушал отца, не веря своим ушам. Он увидел в нём какую-то перемену, которую объяснить ничем не мог.

— К матери ступай и сам ей всё объясни, — хмурясь, сказал Макар. — В огороде она, морковь пропалывает. Только как-то глаже обскажи, чтобы, не ровен час, в обморок посреди грядок не свалилась...

2.

Сентябрьским утром 1951 года, как только тесть закончил свои дела на ферме, они с Василием поехали в Сакмару. Иван Прокофьевич легко и умело управлял мотоциклом. Когда они выехали за село, он прибавил «газку» на всю катушку.

— Ты не приценился к продающимся домам, зятёк? — прокричал он Василию, сидевшему сзади. — Сколько они сейчас стоят?

— Да по-разному, — подавшись чуток вперёд, прокричал ему в затылок Василий. — Чем крепче и больше дом, тем и цена ему краше.

— Эх, деньжат бы хватило хоть на плохенький, — крикнул тесть. — А там что подладим со сватом Макаром, а что и пристроим.

Дальше ехали молча, как люди, которым обсуждать пока ещё нечего. Наконец, томимый молчанием тесть не выдержал:

— Скучно поди вам молодым жить с нами, зятёк?

— Покуда скучать-то не приходилось, — ответил Василий. — Сам знаешь, что я редко дома бываю. То в поле с утра до ночи пропадаю, а зимой из мастерских не вылазию!

— Это ты верно подметил, — усмехнулся тесть, — тебе скучать не приходится. Вот потому и хотим тебя в Сакмаре поселить, чтобы до МТСа ближе было.

Так, перекрикиваясь пустыми фразами, они подъехали к Сакмаре. С дороги, пролегающей по возвышенности, село было видно как на ладони, с улицами, сбегаящими к искрящейся на солнце реке, с большим белым зданием клуба в центре, со старинной церковью, давно уже используемой не по назначению, а для колхозных нужд. Потому она и выглядела обиженной сироткой, жалкой памятью о прошлом. Уж лучше бы её снесли большевики во время революции, а не превращали в склад...

Тесть тоже обратил внимание на бывшую церковь и чему-то невесело усмехнулся.

— Чего тебе так весело? — крикнул Василий.

— Да так... Всегда, как церковь сакмарскую вижу, к горлу ком подкатывает. А я её совсем другой помню.

— Наверное, красивая была?

— Давай в другой раз обговорим. Щас с души воротит...

На улицах села стали встречаться люди, и тесть чуть ли не возле каждого останавливал мотоцикл и спрашивал про продающиеся дома. Получив сведения, он говорил «спасибо», и они продолжали петлять по улицам. Иван Прокофьевич сделался неузнаваемым. Он подтянулся, выпрямился и уже ехал тише, крутя во все стороны головой.

Вдруг в центре села тесть резко нажал на тормоз и остановил мотоцикл. Василий едва не свалился от неожиданности с сиденья. Он похлопал Ивана Прокофьевича по плечу и едко заметил:

— Ты не ездок, а ездюк, папа! Но кто так резко тормозит, когда...

Проследив за его взглядом, Василий встрепнулся и замолчал. Он увидел и узнал тётку Анисью, у которой квартировал, когда ещё учился в школе. Прищурился от солнца глаза, женщина смотрела куда-то в сторону и не замечала своего бывшего постояльца и его тестя.

Иван Прокофьевич вытер платком потное лицо, сошёл с мотоцикла, минуту постоял в раздумье и изрёк:

— Вот кто нам как раз и нужен для плодотворных поисков.

Тётка Анисья сошла с крыльца магазина, переложив в левую руку авоську с продуктами и, увидев Ивана Прокофьевича, приветливо воскликнула:

— Моё почтение, куманёк, каким таким ветром тебя сюда занесло?

— Здравствуй, Анисья, — сказал тесть. — Да я вот не один, а с зятем пожаловал.

Тётка Анисья перевела взгляд на Василия, и её лицо вытянулось.

— Ишь ты, какой вымахал, Василёк?! — воскликнула она удивлённо. — И обжениться успел, а меня вот навестить так и не удосужился.

— Я... я... — Василий смутился, покраснел и опустил голову. Ему нечего было ответить на справедливый упрёк женщины.

— Да не цепляйся ты к нему, Анисья, — вступился за зятя тесть. — Мы-то его не видим, а ты... Встаёт чем свет и на работу из Сумкиной мельницы в МТС пешкодралом топает али на лисапеде педали крутит, что почти одно и то же. Работает допоздна, а опосля в обрат торопится. А уж когда посевная или уборочная...

— Ладно, убедил, куманёк, — вздохнула тётка Анисья и уже ласково улыбнулась бывшему квартиранту: — С прибытием, Василёк!

— Спасибо, — проямлил Василий, едва слыша собственный голос.

— Вижу, жив-здоров?

— Слава богу...

Помолчали, потоптались на месте. Василий исподтишка разглядывал бывшую хозяйку и сгорал от стыда и смущения. Тётка Анисья выглядела неважно. Она заметно похудела, осунулась, но бодрости духа не теряла.

Остаток дня Василий с тестем колесили по селу по указанным Анисьей адресам. Сначала они искали дом хороший и большой, но затем согласны были купить и поскромнее. К вечеру они готовы были купить совсем маленький дом, но денег всё равно не хватало, хоть тресни.

За день мужчины исколесили всё село. Но чем дольше они разъезжали из одного двора в другой, тем всё больше их покидала надежда найти хоть что-то подходящее для проживания и тем сильнее охватывало уныние. Как оказалось, у них не хватало денег даже на самое скромное жилище.

Вечером несолоно хлебавши Василий и Иван Прокофьевич остановились в центре села, у магазина, от которого начали бесплодные поиски подходящего для покупки дома.

— Почитай всё горючее сожгли, но ничевошеньки не накатали, — посетовал тесть. — А я ещё, как волк, проголодался. Может, в другой раз приедем, зятёк?

— И в другой раз эдак же будет, — ухмыльнулся Василий

устало. — Я сегодня больше, чем на работе, вымотался. И жрать хочу не меньше твоего.

— Так что, домой двигаем?

— Можно и домой, только вот тётка Анисья поужинать приглашала, а ты обещал.

— Я? Обещал? — Иван Прокофьевич озадаченно поскрёб затылок. — А ведь и взаправду обещал, — вспомнил он. — Ну что ж, поехали...

Он завёл мотоцикл, включил скорость, но почему-то поехал не в сторону дома Анисьи, а совсем в другую.

— Ты куда? — крикнул ему в затылок Василий.

— Сейчас к другу моему старому заглянем, — не оборачиваясь, крикнул Иван Прокофьевич. — Может, что дельное присоветует, местный ведь...

Гаврилыч встретил гостей во дворе. От крыльца к калитке он шёл не спеша, словно и не удивляясь неожиданному визиту старого друга. Зато удивился Иван Прокофьевич, зайдя во двор.

— Постой, Гаврилыч, — сказал он, пожимая руку хозяину, — кажется, год назад, когда я у тебя был последний раз, твой дом гляделся чуть лучше, чем сейчас?

— Ты бы ещё годков через пять заглянул, — ухмыльнулся тот.

— Дык как же ты живёшь в такой избе? — ещё больше удивился Иван Прокофьевич. — Неужто руки лень приложить к ремонту? Обмазка поотлетала, крыша вон... Протекает поди?

— Я скоро в другой дом съеду, — улыбнулся Гаврилыч. — А этот... Найду покупателя, вот пусть сам и ладит.

— Так ты что, продаёшь свои «хоромы»? — оживился Иван Прокофьевич. — Ты хочешь сказать...

— Дом этот на троих хозяев, — уточнил Гаврилыч. — Я собираюсь продавать только принадлежащую мне третью часть.

— Вот значит как, — погрустнел Иван Прокофьевич. — А сколько просишь за свою «конуру»?

Теперь пришла очередь удивляться, казалось бы, внешне невозмутимому хозяину дома.

— Постой, а ты именно за этим ко мне приехал? — спросил он, прищуриваясь.

— Да, — вздохнул Иван Прокофьевич. — Приехал вот с зятем избёнку недорогою присмотреть и прикупить.

— И что, нашёл подходящую?

— Подходящих хоть отбавляй, да они нам не по карману.

— А про меня как прознал? Я ещё никому не говорил, что собираюсь продавать жилище своё.

Иван Прокофьевич улыбнулся.

— Знать не знал и ведать не ведал, — сказал он, пожимая плечами. — А заехал я, чтобы обспросить тебя. Может, указал бы адресочек обратиться куда?

— Вот значит как бывает, — потёр ладони Гаврилыч. — Ну так что, сговариваться будем или избёнку оглядите?

— Сперва оглядим, — усмехнулся тесть. — Снаружи дом неказист, а вот внутри... Приглядимся — приценимся.

— А ты что, разве не был в моей избёнке прошлый год? — спросил Гаврилыч.

— Да ты и не приглашал, — хмыкнул Иван Прокофьевич. — Мы вот здесь, под навесом, бутылочку распили и... Ты тогда ещё хвалился, что этот дом весь твой!

— Я тогда шутовал, — ни капли не смутившись, признался Гаврилыч. — Так, спьяну, пыль в глаза пускал. Ну так что, идём в избу?

Зашли, осмотрели, не понравилось. Собственно и осматривать было нечего. Крохотная комната с печью посередине... Не развернуться.

— Нет уж, извиняй, разлюбезный, — заторопился к выходу Иван Прокофьевич. — У меня сарай в два раза больше, чем изба твоя, хотя я его маленьким считаю. Да меня засмеют в деревне, когда прознают, что я эдакую конурёнку своей доченьке, зятю и внукам прикупил.

— Обожди, не торопись, цену послухай, — хватая его за руку, засуетился Гаврилыч. — Да я её почти задаром отдаю. Молодым для начала и эдакая избёнка сгодится.

Услышав, что «конуру» отдают «почти задаром», тесть остановился и обернулся:

— Сколько просишь?

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66